

**ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Ю. В. Астафьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июня 2009 г.

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам реализации в уголовном процессе нового правового института — досудебного соглашения о сотрудничестве. В работе рассматривается зарубежная практика заключения таких соглашений, дается их характеристика; раскрывается сущность российской системы заключения соглашений о сотрудничестве, анализируются их особенности; дается оценка проблемам заключения соглашений, показаны пути решения спорных вопросов.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебные соглашения о сотрудничестве, система заключения соглашений.

Abstract: the article is devoted to the topical questions of implementation of a new legal institution in the Russian criminal procedure that is the plea-bargaining agreements. One of the subjects of author's consideration and treatment is a foreign experience of plea-bargaining. The essence and particularities of plea-bargain in Russia are also analyzed in the article. The author considers some problems connected with plea-bargaining and shows how these problems may be solved.

Key words: the criminal procedure, the plea-bargaining agreements, the experience of the plea-bargaining.

Современный период развития уголовного процесса отличается принятием системы норм, кардинально изменяющих структуру процессуальной деятельности. Если ранее речь шла о коррекции отдельных положений УПК РФ, совершенствовании понятийного аппарата, введении дополнительных гарантий прав участников процесса, то последние несколько лет вводятся целые институты, не имевшие аналогов в российском уголовном процессе. Пример тому — особый порядок судопроизводства, предварительное слушание, примирительные процедуры по делам небольшой и средней тяжести и т.п. Появление данных институтов во многом обусловлено последовательной рецепцией российским законодателем положений англосаксонской системы права с их адаптацией к российским условиям.

Однако процесс этот должен сопровождаться тщательным анализом зарубежного опыта, учетом и оценкой результативности данных норм, стремлением соотнести законодательные новеллы с российской правоприменительной практикой. Иной подход чреват элементами волюнтаризма, повергает в хаотичное состояние действующую относительно согласованную систему уголовного процесса.

К числу проблемных новаций относится гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также комплекс соответствующих ему норм в других разделах УПК РФ. Сама идея такого сотрудничества не нова. В английской и особенно в американской системах права «сделки с правосудием» — неотъемлемая часть уголовно-процессуальных процедур. Важным условием развития этого института является его тесная связь с детально разработанными нормами о привилегированном иммунитете участников процесса, особом порядке судопроизводства, системе гарантий снижения наказания обвиняемым, содействующим правосудию; программой защиты обвиняемых и свидетелей. Решающую роль в таких соглашениях играет прокуратура, организующая и направляющая в Англии и США обвинение с самых его первых шагов.

Ограничению соглашений о сотрудничестве способствует то обстоятельство, что, например, в США, они тесно связываются с нормами Федеральных законов «О контроле над преступностью» и «О борьбе с организованной преступностью». Значительную долю лиц, заключающих такого рода «сделки», в США составляют осведомители полицейских органов, полное освобождение которых от наказания невозможно в связи с совершением уголовно-правового деликта¹.

В европейских государствах отношение к соглашениям о сотрудничестве весьма осторожное. Яркое подтверждение тому — австрийское и немецкое законодательство. В австрийском УПК наряду с принципом законности содержится и принцип целесообразности. Именно благодаря ему обвинение в лице прокурора может принять решение об ограничении привлечения к ответственности отдельных лиц, оказавших содействие в раскрытии преступления, но только в том случае, если это не повлияет на главное обвинение по делу².

Немецкий законодатель достаточно долго использовал институт «главного свидетеля обвинения», подразумевая под ним лицо, сотрудничающее с обвинением и имеющее право на снижение наказания или освобождение от него. Однако, руководствуясь идеей законности, УПК ФРГ отказался от данного института, предусмотрев исключения лишь по делам, связанным с распространением наркотических веществ и «отмыванием» незаконно полученных денежных средств³. Характерно, что немецкий законодатель создал не только процессуальные условия реализации таких соглашений, но и подкрепляющий их уголовно-правовой институт. Так, п. 10 ст. 261 УК ФРГ предусматривает полномочия суда по его усмотрению смягчить наказание или вовсе отказаться от него по данной норме, если «исполнитель путем добровольного

¹ См. подробнее: Фридмен Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 140—142; Николайчик В. М. Уголовный процесс США. М., 1981. С. 70—71, 144—145.

² См.: Бутов В. Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 13.

³ См.: Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 202—203.

сообщения о своей осведомленности существенно способствует тому, чтобы посредством его собственного вклада могло быть раскрыто данное деяние или противоправное деяние, совершенное другим лицом»⁴.

Соглашение о досудебном сотрудничестве в российском праве явно ориентировано на англо-американскую систему. Об этом свидетельствует и ведущая роль прокурора при вынесении постановлений о сотрудничестве, и наделение суда правом смягчения ответственности, и установление целей такого рода сотрудничества. Вместе с тем, специфика российского процесса такова, что существенно отличает его от зарубежных аналогов. Прежде всего это касается существования в РФ процессуально регламентированного следствия (в отличие от многих государств, имеющих лишь полицейское расследование). Кроме того, нынешнее законодательство последовательно проводит в жизнь идею о балансе интересов сторон, разумном и взвешенном сочетании общественных и личных интересов, реализации позиции не только обвинения, но и защиты; особых гарантиях прав потерпевших от преступлений. Все эти обстоятельства привели к тому, что, вводя институт досудебного соглашения о сотрудничестве, законодатель столкнулся с комплексом проблем принципиального характера.

Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами. В УПК РФ содержится весьма аморфное положение о степени полноты сведений, которые намерен сообщить обвиняемый, заявляя ходатайство о желании заключить добровольное соглашение о сотрудничестве. При этом обвиняемый находится в достаточно сложной ситуации: с одной стороны, ходатайство может быть не поддержано следователем в силу незначительности информации, предлагаемой к сообщению, с другой — обвиняемому не выгодно давать на данном этапе полную информацию, не имея гарантий снижения наказания. Кроме того, даже в случае поддержания следователем такого ходатайства, неопределенными остаются позиции руководителя следственного органа и прокурора. Не менее проблемно и положение, в соответствии с которым прокурор и суд оценивают полноту исполнения обвиняемым своего соглашения (ч. 1 ст. 317.5 и ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

358 Возникает довольно странная ситуация, когда соглашение подписано и действует, но это обстоятельство отнюдь не гарантирует его исполнение для обвиняемых и подсудимых, сообщивших все, что им известно. Причиной может стать недостаточность сведений для прокурора и суда при решении вопросов уголовного дела. Уникальность такого положения в том, что оно нарушает весь смысл соглашения, где каждая из сторон имеет взаимные права и обязанности. Сторона обвинения и суд не связаны в данной ситуации никакими четкими обязательствами или ответственностью. Между тем п. 61 ст. 5 УПК РФ раскрывает смысл соглашения о сотрудничестве как соглашения между

⁴ Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. А. В. Серебренниковой. М., 2000. С. 148.

сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Принимая новеллу о досудебном соглашении, законодатель закрепил длящийся характер реализации соответствующих правовых норм. Фактически такого рода соглашения могут возникнуть сразу же после возбуждения уголовного дела, либо на любом этапе расследования. Соответственно, следовало бы учитывать и специфику расследования в контексте процессуальных обязанностей следователя по доказыванию, а также в контексте реализации права на защиту. Охраняя интересы лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве, следователь должен соблюдать информационную тайну, трактуемую как обязанность не разглашать сведения о соглашении и лице, его заключившем, а также хранить сведения о его личности в отдельном конверте. Достаточная ли это гарантия для интересов установлении истины в процессе расследования и для обеспечения интересов обвиняемых? Полагаем, что нет. В юридической литературе справедливо отмечалось, что указанная мера безопасности вряд ли будет эффективной, так как в ходе судебного заседания предполагается открытое исследование характера и пределов содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, и т.д.⁵

Не ясны также механизм и специфика проведения ряда следственных действий, предполагающих участие обвиняемого, изъявившего желание сотрудничать со следствием и судом. Как, например, проводить очные ставки, в которых наряду с ним должны участвовать другие обвиняемые? Каким образом возможно исключить «оповещение» других обвиняемых о показаниях «сотрудничающего» при их ознакомлении с материалами уголовного дела?

В любом случае, полное сокрытие информации о том, что один из обвиняемых дает изобличающие других показания на предварительном следствии, невозможно. Не изменит ситуацию даже гипотетическая возможность выделения материалов дела в отношении него в отдельное производство, поскольку сообщенные им сведения должны получить процессуальную реализацию. Иное не имело бы смысла.

Касаясь проблемы защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, нельзя не отметить, что она так и осталась не решенной в полном объеме. Законодатель говорит о применении мер безопасности к данным лицам, скромно ссылаясь на уже действующие (заметим, крайне несовершенные) нормы. Полное сокрытие личности лица, заключившего соглашение, не реально в аспекте оценки достоверности и допустимости доказательств, противоречит праву на защиту других об-

⁵ См.: Зуев С. Новая глава УПК // Законность. 2009. № 9. С. 16—18.

виняемых (подсудимых), заявивших соответствующие ходатайства о проверке доказательств их виновности. Напомним, что даже давно существующая в УПК РФ ст. 278, предусматривающая возможность допроса свидетелей в отдельном помещении в целях обеспечения их безопасности, в то же время оговаривает весьма опасное право защитника ходатайствовать о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания. Что уж говорить об аналогии применения данного положения в отношении подсудимого, изобличающего других соучастников.

Меры физического обеспечения безопасности данных лиц, несмотря на наличие Закона о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих правосудию, а также программы материального обеспечения этих мер, утвержденной Правительством РФ, представляются весьма сложно реализуемыми. Неопределенным остается срок применения данных мер к подсудимым, *сотрудничающим* с правосудием, а также осужденным, *сотрудничавшим* с правосудием. В частности, не понятно, каким образом эти меры возможно реализовать при отбывании указанными лицами наказания. Практики, комментирующие эту ситуацию, справедливо отмечают, что «назначение наказания лицу, изобличившему особо опасных профессиональных преступников, в виде реального лишения свободы можно приравнять, исходя из обычаев, существующих среди лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, к его физическому уничтожению»⁶.

Не разъясняет законодатель и особенности конкретных мер, применение которых возможно и необходимо именно к данной категории обвиняемых (подсудимых), а также отличия в применении этих мер от мер, применяемых к свидетелям и потерпевшим.

Возможным выходом из данной ситуации мог бы стать особый порядок производства в отношении лиц, заключивших соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве (ст. 317.5—317.7 УПК РФ). Смысл выражения «особый порядок» здесь не совсем очевиден. Если речь идет о правилах, предусмотренных гл. 40 УПК РФ, то важнейшими требованиями, являющимися условиями проведения заседания в особом порядке, названы не только согласие государственного обвинителя, но и согласие потерпевшего. Вызывает сомнение, что в случае «сделки с правосудием» сторона обвинения поинтересуется мнением потерпевшего, если же это все-таки произойдет и потерпевший возразит против особого порядка в отношении «сотрудничающего» обвиняемого, то как быть с гарантиями, уже данными обвиняемому?

Помимо этого, в гл. 40 УПК РФ идет речь об обвиняемом в одном лице, т.е. процедура особого судопроизводства справедливо индивидуализируется. В случае же заключения соглашения о сотрудничестве

⁶ Карпов О. В., Маслов И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве : проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9.

преследуется цель изобличения соучастников. Таким образом, появляется новое условие проведения особого порядка судопроизводства — наличие в отношении обвиняемого выделенного уголовного дела. В соответствии с ч. 4 ст. 154 УПК РФ в отношении обвиняемых, заключивших соглашение о сотрудничестве, могут выделяться материалы уголовного дела, идентифицирующие личность; сделана попытка предусмотреть порядок их изъятия из материалов уголовного дела. Однако речь идет не о выделении уголовного дела в отношении обвиняемого. Последнее возможно лишь при условии, что это не отразится на объективности и всесторонности предварительного расследования и *разрешения уголовного дела* (курсив наш. — Ю. А.) (ч. 2 ст. 154 УПК РФ).

Логично было бы узнать мнение создателей института досудебных соглашений о том, как можно без ущерба для объективности, согласуясь с особенностями судопроизводства, выделить материалы уголовного дела в отношении соучастника, показания которого изобличают других обвиняемых по рассматриваемому делу. Даже если это материалы, идентифицирующие личность, их значение трудно переоценить с позиций оценки совокупности всех доказательств по делу, в частности требований ст. 75 УПК РФ о недопустимости формирования доказательств, источник которых невозможно проверить.

Не менее значима при этом и уголовно-правовая проблема назначения наказания такого рода подсудимым и лицам, которых они изобличают. Совет Федерации отклонил федеральный закон, предусматривающий изменения в УПК РФ по вопросам соглашения именно в части несоответствия норм о назначении наказания общему смыслу уголовно-правовых институтов Российской Федерации⁷, а депутат В. И. Илюхин прямо отметил: «Многие положения законопроекта содержат значительные отступления от важнейших принципов отправления правосудия, таких как законность, справедливость, презумпция невиновности, осуществление правосудия только судом, состязательность сторон»⁸.

Статья 317.7 УПК РФ дает суду право назначить наказание рассматриваемой категории обвиняемых с применением ст. 64, 73, 80.1 УК РФ. Обратим внимание на ключевое слово нормы закона «*право*». Оно подразумевает возможность, но отнюдь не обязанность суда применить положения об условном осуждении, назначении наказания ниже низшего предела и т.п. Данный подход вполне вписывается в конституционное положение о независимости суда от любого влияния, в том числе и от влияния стороны обвинения в лице прокурора. Суд учитывает, как уже отмечалось выше, соблюдение обвиняемым (подсудимым) всех условий и обязательств соглашения, причем делает это по внутреннему убеждению. Получается, что подсудимый, даже в

⁷ См.: Лысков А. Сотрудничать можно со следствием, но не с правосудием. URL: http://www.russia-today.ru/2009/no_13/13_SF_02.htm

⁸ Илюхин В. И. Зачем же ломиться в открытую дверь? // Право и безопасность. 2008. № 2(27). С. 32.

случае полного сообщения им всех известных сведений о содеянном другими соучастниками, не может с уверенностью рассчитывать на снисхождение в приговоре суда. Прокурор же, заключивший с ним соглашение, не может отвечать за решение суда как высшего органа, действующего именем государства. Таким образом, законный интерес подсудимого предполагать назначение наказания с учетом его сотрудничества со следствием и судом, оказывается абсолютно необеспеченным. Возникает резонный вопрос — будут ли обвиняемые охотно и добровольно сотрудничать с правосудием, если перспектива снисхождения к ним весьма расплывчата и неочевидна?

Существует еще одно обстоятельство, о котором законодатель явно не подумал, вводя институт соглашений о досудебном сотрудничестве. Это вопрос о возможных злоупотреблениях со стороны работников правоохранительных органов. Заключение соглашений добровольно и только после согласования с защитником, на первый взгляд, является серьезным заслоном от любого произвола. Однако это в теории. На практике же нередки случаи участия в деле недобросовестных либо малоопытных защитников (особенно по назначению), для которых интерес быстрее завершить дело гораздо важнее интересов подзащитного. Подзащитный же, лишенный реальной юридической помощи, легко внушаем и поддается любому воздействию оперативных и следственных работников. Убедить его в том, что именно соглашение о сотрудничестве для него единственный путь к свободе, будет достаточно легко. При этом открывается широкое поле для ложных обвинений, прямых оговоров, доносов. Установление истины вполне может быть заменено отношением к признанию одного из обвиняемых как к главному доказательству по уголовному делу.

Все перечисленные проблемы и недостатки института досудебных соглашений о сотрудничестве, естественно, не тождественны отрицанию этого института как элемента правоприменения. Они лишь свидетельствуют о необходимости внесения существенных дополнений, устраняющих пробелы в законодательстве, выражают стремление не допустить экспериментирования на обвиняемых, апробации серьезнейших новелл методом проб и ошибок. Цена любого нововведения в сфере уголовного процесса слишком велика, поэтому любой новый институт должен работать как система отлаженных механизмов, процедур и гарантий.

Воронежский государственный университет

Астафьев Ю. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса

E-mail: woltgam@mail.ru

Тел.: 8 (919) 247-52-53

Voronezh State University

Astafiev Yu. V., Candidate of Legal Science, Associate Professor Head of the Criminal Process Department of the Law Faculty

E-mail: woltgam@mail.ru

Tel.: 8 (919) 247-52-53